

Некоторые макроэкономические последствия COVID-19: специфика мирового кризиса 2020 года

Валерий Валериевич Кизилев

E-mail: vkizilov@nifi.ru, ORCID: 0000-0002-2213-0004

Научно-исследовательский финансовый институт Минфина России,
Москва 127006, Российская Федерация

Аннотация

В 2020 г. почти во всех крупных странах мира наблюдался спад валового внутреннего продукта и других показателей экономической активности. Эта динамика, возникшая вслед за известиями о пандемии COVID-19, имела ряд признаков, характерных для мировых экономических кризисов, которые повторяются циклически. На старте кризиса негативному воздействию подверглись и факторы спроса, и факторы предложения.

В статье на основе данных за первые девять месяцев 2020 г. рассмотрены различия в динамике ВВП и розничных продаж, экспорта и импорта основных развитых и развивающихся стран. Сделаны наблюдения о специфических явлениях в отдельных странах: в Германии и соседствующих с ней малых странах экономический кризис оказался относительно мягким; в развитых странах сальдо торгового баланса стало более пассивным, а в развивающихся — активным; произошло восстановление американо-китайской торговли и рост американского дефицита в этой торговле. Предложены гипотезы, которые объясняют эти наблюдения. В частности, отмечается, что экономика Германии оказалась способна к гибкой адаптации благодаря более высокому уровню свободы предпринимательства, чем во Франции и Италии, а также самому низкому среди стран G7 уровню долговой нагрузки. Рост дефицита развитых стран в торговле с развивающимися связан с тем, что в развитых странах меры по сдерживанию COVID-19 ограничили производственные возможности, тогда как потребление стимулировалось.

Ключевые слова: экономический кризис, экономический цикл, шок предложения, международная торговля, государственный долг, инвестиционный климат, экономическая свобода, COVID-19

JEL: E32, E65, F14, F44

Для цитирования: Кизилев В. В. Некоторые макроэкономические последствия COVID-19: специфика мирового кризиса 2020 года // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 1. С. 9–27. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-9-27.

© Кизилев В. В., 2021

<https://doi.org/10.31107/2075-1990-2021-1-9-27>

Some Macroeconomic Consequences of COVID-19: Specifics of the 2020 World Economic Crisis

Valery V. Kizilov

Financial Research Institute, Moscow 127006, Russian Federation

vkizilov@nifi.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2213-0004>

Abstract

In 2020, almost all large countries experienced a decline in GDP and other indicators of economic activity. This trend followed the news about the COVID-19 pandemic and had several features typical for cyclical economic crises. At the starting point, both demand and supply factors were negatively affected.

This paper looks into data on GDP, retail sales and foreign trade dynamics in the first nine months of 2020, and analyzes the difference between developed and developing countries. Specific phenomena are observed: Germany and its small neighbors had relatively mild crises; developed countries had their trade balances deteriorating; the trade between the USA and China revived; and American deficit has been growing since April 2020. Some hypotheses to explain the above are offered. For instance, the German economy might have been able to adapt swiftly due to greater freedom of entrepreneurship than in France and Italy and due to the lowest debt ratios among G7 countries. The trade balances of developed countries deteriorated, possibly, because of a decline in production as a result of anti-COVID lockdowns, with consumption encouraged by stimulating policy measures.

Keywords: *economic crisis, economic cycle, supply shock, foreign trade, public debt, investment climate, economic freedom, COVID-19*

JEL: *E32, E65, F14, F44*

For citation: *Kizilov V.V. Some Macroeconomic Consequences of COVID-19: Specifics of the 2020 World Economic Crisis. Financial Journal, 2021, vol. 13, no. 1, pp. 9–27 (In Russ.). DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-9-27.*

© Kizilov V.V., 2021

ВВЕДЕНИЕ

С февраля 2020 г., когда заболевание COVID-19 получило статус пандемии и были введены жесткие карантинные меры, резко сократившие перемещение людей по миру, неизбежность глобального экономического спада стала практически общим местом в публичных выступлениях. Естественно, это привело к немедленному обвалу рынка акций: с 21 по 27 февраля индекс S&P 500 потерял 12 % стоимости. Следующими звеньями кризиса должны были стать удорожание и снижение доступности кредита, объявления о банкротствах и отмене инвестиционных проектов, массовые увольнения и сокращение потребительских расходов. Большая часть этих последствий действительно наступила, а те, которые не наступили (повышение процентов по кредиту), были предотвращены мерами государственного вмешательства. В целом же данная серия событий весьма схожа с явлениями, наблюдаемыми в начале периодических кризисов мировой экономики, которые, пока принимаются особые регулятивно-антикризисные меры правительств, различаются лишь непосредственными причинами первоначальной паники на фондовой бирже.

В разных направлениях экономической мысли возникновение и развитие периодических кризисов интерпретируется по-разному. Можно выделить три основных течения.

Первая интерпретация состоит в том, что высокоразвитая рыночная экономика не просто внутренне нестабильна, но имеет тенденцию к саморазрушению: если кризис не будет преодолен государственным вмешательством, то падение доходов у одних экономических субъектов приведет к сокращению доходов у других и, таким образом, разрушительная цепная реакция будет действовать, пока в экономике не останутся только натуральные хозяйства. Такое представление характерно для ортодоксального кейнсианства второй половины 1930-х гг., его наследников и союзников [Harrod R., 1939, p. 30].

Вторая интерпретация подразумевает, что без государственного вмешательства кризис не разрушает рыночную экономику, а ведет к тому, что она приспосабливается к новым условиям, возобновляет рост и может в обозримое время превзойти докризисный максимум доходов, однако этот процесс происходит «неоптимально», и правительство может его «сгладить» или «оптимизировать», воздействуя на денежно-кредитную сферу и макроэкономические агрегаты. Эта установка преобладает в современных академических и политических дискуссиях — споры идут по большей части лишь о том, каким именно должно быть оптимизирующее воздействие государства.

Третья интерпретация состоит в том, что во время кризиса, как и на любой другой фазе цикла, экономические агенты приспосабливаются к переменам оптимальным для себя образом и правительство, не имея ни релевантной информации [Хайек Ф., 1989, с. 11], ни стимулов [Бьюкенен Дж., 2004, с. 430], никак не может улучшить этот децентрализованный процесс.

В рамках второго, наиболее влиятельного из названных течений, довольно серьезное значение имеет вопрос о том, каковы характер и глубина шоков, вызвавших кризис. Предполагается, что в относительно легких и стандартных случаях государство может компенсировать временное сокращение того, что принято называть совокупным спросом, предлагая банковскому сектору краткосрочные займы или снижая для него требования по обязательным резервам, а в более сложных — использовать нетрадиционные меры денежно-кредитной политики (количественное смягчение), расширять совокупный спрос за счет ослабления бюджетного баланса, выкупать долгосрочные облигации или даже акции, наконец, непосредственно администрировать инвестиционные проекты, чтобы усилить их мультипликативный эффект.

Многие экономисты придают серьезное значение вопросу о том, вызван кризисный спад производства сдвигом спроса или предложения. Часто подразумевается, что если главной причиной стало шоковое снижение спроса, то хорошим политическим ответом на кризис может быть стимулирование расходов, то есть восстановление как бы временно выпавшего частного спроса за счет государства. Если же спад обусловлен снизившимся предложением, то в экономике неизбежно имеет место полная занятость и полная загрузка производственных ресурсов, и в этих условиях стимулирование расходов повлечет за собой только рост цен [Иццоки О., 2020, с. 13].

За такими общими описаниями, как снижение совокупного предложения или спроса, могут стоять явления, вполне понятные на уровне индивидуальных экономических агентов или конкретных рынков. Например, «шок спроса» может отражать ситуацию, когда типичный экономический агент избегает риска, создавая запасы ликвидных средств, сокращая задолженность, снижая необязательные расходы, откладывая или отменяя инвестиционные проекты, которые могут привести к потере денег. А «шок предложения» связан с уменьшением производственных возможностей экономических субъектов, например когда средства производства разрушаются войнами и стихийными бедствиями, рабочая сила сокращается или блокируется в неудобных для производительной деятельности локациях, почвы и месторождения полезных ископаемых истощаются. Меры

против распространения коронавирусной инфекции также сыграли подобную роль — по одной из оценок, их экономическое воздействие эквивалентно снижению промышленного производства на 15 % за 30 дней [Deb P. et al., с. 6].

Пандемия и ставшие ответом на нее карантинные меры имеют много общего с войной и стихийными бедствиями, поэтому интерпретация возникшего экономического спада как инициированного «шоком предложения» вызвала заметный интерес. Возникли ожидания, что после снятия карантинных ограничений производственные возможности полностью восстановятся и будут готовы работать в полную силу, удовлетворяя спрос потребителей [Иццоки О., 2020, с. 14]. Это будет означать очень быстрый выход на докризисные объемы производства и продаж (V-траектория).

Однако наряду с этими оптимистичными прогнозами возникли и противоположные. Основаниями для тревоги служили, в частности, следующие соображения. Во-первых, отнюдь не очевидно, что послекризисная структура потребительских расходов будет соответствовать докризисной (например, вряд ли восстановится прежнее соотношение между продажами онлайн и офлайн). А если так, то каким-то отраслям предстоит болезненное сжатие, которое отразится и на их поставщиках. Во-вторых, для инвестиций, которые требуются, чтобы возмещать выбывший капитал и расширять производственные возможности, необходим не столько спрос, сколько достаточно дальний горизонт планирования (низкое временное предпочтение) экономических субъектов. Нет никаких гарантий, что это условие будет выполнено. В-третьих, сомнительно, что по завершении пандемии будут отменены все распределительные и регуляторные меры, которые были введены на время чрезвычайной ситуации: вокруг этих мер складываются коалиции выгодоприобретателей, которые не допустят их полной отмены. Хорошим историческим примером здесь может служить Первая мировая война: она сопровождалась заметным удорожанием ряда сырьевых и сельскохозяйственных товаров, и тесная координация между производителями и правительствами привела к тому, что после войны вместо снижения цен произошла картелизация некоторых отраслей.

В зависимости от значимости, придаваемой различным соображениям, экономисты в 2020 г. разделились на группы «оптимистов» и «пессимистов». «Оптимисты» полагают, что после резкого падения произойдет быстрое восстановление экономики (V-траектория). «Пессимисты» считают более вероятным, что восстановление будет или с отсрочкой (U-траектория), или вообще в отдаленном и неопределенном будущем (L-траектория). В видении «оптимистов» нет оснований для отказа от парадигмы, предписывающей правительствам смягчать и сглаживать кризис, который, впрочем, и без государственных усилий когда-нибудь прекратится сам, но с лишними потерями. Видение «пессимистов» создает почву для дискуссии более фундаментального характера.

Стоит отметить, что само понятие «завершение кризиса» неоднозначно. Под этими словами может подразумеваться возобновление экономического роста (с более низкого уровня), но они могут обозначать и восстановление докризисного объема производства. Возможны и другие трактовки: достижение устойчивых докризисных темпов роста, достижение устойчивых темпов роста на уровне долгосрочного (сложившегося до кризиса) тренда или выход объемов производства на линию долгосрочного тренда. Это различие трактовок всегда надо иметь в виду при обсуждении перспектив послекризисного восстановления.

ОБЗОР РЕЗУЛЬТАТОВ I–III КВАРТАЛОВ 2020 ГОДА

Динамика ВВП

В I и II кв. 2020 г. большинство стран мира испытали **снижение ВВП**, а в III кв. — рост. Данные по динамике ВВП за первые девять месяцев года отражены в табл. 1.

**Динамика ВВП, к предыдущему кварталу /
GDP change, q/q**

	ВВП, долл. США			ВВП, %		
	Индекс (IV кв. 2019 г. = 100)			Изменение к предыдущему кварталу		
	I кв. 2020 г.	II кв. 2020 г.	III кв. 2020 г.	I кв. 2020 г.	II кв. 2020 г.	III кв. 2020 г.
Турция	100	89	103	0	-11	16
Норвегия	98	94	98	-2	-5	5
Швейцария	98	91	98	-2	-7	7
Южная Корея	99	96	98	-1	-3	2
Финляндия	98	95	98	-2	-4	3
Россия	100	97	97	0	-3	1
Швеция	100	92	97	0	-8	5
США	99	90	97	-1	-9	7
Франция	94	81	96	-6	-14	19
Япония	99	91	96	-1	-8	5
Германия	98	88	96	-2	-10	8
НАФТА	99	89	96	-1	-10	8
Дания	98	91	96	-2	-7	5
ОЭСД	98	88	96	-2	-10	9
G7	98	88	96	-2	-10	9
Бразилия	98	89	96	-2	-10	8
ОЭСД – Европа	97	85	96	-3	-12	12
Австралия	100	93	96	0	-7	3
Евросоюз (27 стран)	97	86	96	-3	-11	12
Зона евро (19 стран)	96	85	96	-4	-12	12
Саудовская Аравия	99	94	95	-1	-5	1
Италия	95	82	95	-5	-13	16
Индонезия	99	92	95	-1	-7	3
Канада	98	87	95	-2	-11	9
ЮАР	100	83	94	0	-17	14
Мексика	99	82	92	-1	-17	12
Индия	101	75	92	1	-25	22
Великобритания	97	79	91	-3	-19	16
Испания	95	78	91	-5	-18	17
Аргентина	96	81	91	-4	-16	13
КНР	90	101	104	-10	12	3

Источники: составлено автором по данным OECD (<https://stats.oecd.org/>), для КНР – по данным National Bureau of Statistics of China (http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202010/t20201021_1795384.html) / Sources: compiled by the author based on OECD data (<https://stats.oecd.org/>), for China – based on Bureau of Statistics data (http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/202010/t20201021_1795384.html).

Уже эти данные позволяют сделать интересные наблюдения. Нигде восстановление в III кв. не оказалось достаточным, чтобы возместить предшествующий спад. Страны Восточной Азии, близкие к очагу эпидемии и имеющие экспортно ориентированные экономики, пострадали от экономического кризиса меньше, чем Западная Европа и Северная Америка. Из стран Западной Европы и Северной Америки меньше других пострадала Швеция. В Индии и Мексике спад экономики оказался еще резче, чем в развитых странах.

Динамика розничных продаж

Несколько иначе выглядит **динамика розничных продаж**. В среднем по 19 странам зоны евро в I кв. 2020 г. продажи были на 2,7 % меньше, чем в IV кв. 2019 г., во II кв. –

на 4,9 % меньше, чем кварталом ранее, в III кв. — на 9,8 % больше, чем кварталом ранее. По итогам III кв. 2020 г. индекс розничных продаж составил 102,1, если за 100 принимается IV кв. 2019 г. Для Великобритании динамика продаж в I кв. составляла -0,8 %, во II кв. -7,5 %, в III кв. +15,3 %, а индекс продаж за III кв. — 105,8. Сходную траекторию имели и США (см. табл. 2). Как видно, в этих странах розничные продажи падали не так быстро, как ВВП, и уже в III кв. 2020 г. снова превысили докризисные объемы.

Таблица 2

**Динамика розничных продаж, к предыдущему кварталу, % /
Retail sales change, q/q, %**

	Индекс, 4 кв. 2020 г. = 100			Динамика, к предыдущему кварталу, %		
	I кв. 2020 г.	II кв. 2020 г.	III кв. 2020 г.	I кв. 2020 г.	II кв. 2020 г.	III кв. 2020 г.
Австралия	101,0	97,5	103,8	1,0	-3,5	6,5
Австрия	96,7	96,7	104,2	-3,3	0,0	7,7
Бельгия	96,9	95,4	104,8	-3,1	-1,6	9,9
Канада	98,3	85,8	104,5	-1,7	-12,8	21,8
Чехия	97,9	95,8	101,3	-2,1	-2,2	5,8
Дания	98,7	102,7	104,7	-1,3	4,0	2,0
Эстония	102,7	97,2	103,7	2,7	-5,4	6,7
Финляндия	100,9	103,3	104,4	0,9	2,3	1,1
Франция	94,8	88,7	102,7	-5,2	-6,4	15,8
Германия	100,4	101,1	105,3	0,4	0,7	4,1
Греция	100,1	90,2	99,2	0,1	-10,0	10,1
Венгрия	101,2	91,8	97,5	1,2	-9,3	6,2
Ирландия	94,4	76,5	107,6	-5,6	-18,9	40,5
Израиль	97,2	96,9	103,0	-2,8	-0,3	6,2
Италия	92,9	84,0	96,9	-7,1	-9,6	15,4
Япония	101,8	94,4	102,2	1,8	-7,3	8,2
Юж. Корея	93,6	99,7	99,0	-6,4	6,5	-0,7
Латвия	101,6	98,0	102,9	1,6	-3,6	5,0
Литва	98,8	95,7	105,7	-1,2	-3,1	10,5
Люксембург	94,7	84,3	103,1	-5,3	-11,0	22,3
Мексика	99,5	79,3	90,6	-0,5	-20,3	14,3
Нидерланды	100,2	100,4	104,6	0,2	0,3	4,1
Новая Зеландия	98,1	86,3	101,3	-1,9	-12,0	17,3
Норвегия	100,3	109,0	111,2	0,3	8,7	2,1
Польша	100,7	95,2	103,8	0,7	-5,5	9,1
Португалия	100,2	83,7	94,5	0,2	-16,5	12,8
Словакия	100,3	92,8	102,7	0,3	-7,5	10,7
Словения	95,9	86,8	97,4	-4,1	-9,5	12,3
Испания	95,1	82,0	96,9	-4,9	-13,7	18,1
Швеция	101,6	100,9	102,7	1,6	-0,7	1,8
Швейцария	97,5	96,6	102,2	-2,5	-0,9	5,8
Великобритания	99,2	91,7	105,8	-0,8	-7,5	15,3
США	97,8	90,9	103,6	-2,2	-7,0	12,8
Зона евро	97,3	92,5	102,1	-2,7	-4,9	10,5
ЕС – 27 стран	97,7	92,9	102,0	-2,3	-4,9	9,8
G7	98,5	94,1	104,5	-1,5	-4,5	11,1
ОЭСР	98,4	93,1	103,0	-1,6	-5,4	10,6
Бразилия	98,0	89,6	104,7	-2,0	-8,6	16,9
ЮАР	99,9	76,7	95,2	-0,1	-23,2	24,1

Источники: составлено автором по OECD (stats.oecd.org), для США — по данным Статистического бюро США (<https://www.census.gov/>) / Sources: compiled by the author based on OECD data (<https://stats.oecd.org/>), for the USA — U.S. Census Bureau (<https://www.census.gov/>).

В ряде стран динамика розничных продаж приобрела не такой вид, как в еврозоне и Великобритании («типичная для еврозоны» траектория на самом деле наблюдалась только во Франции и Люксембурге).

В Италии, Испании, Португалии, Греции, Венгрии, Словении, Мексике, ЮАР восстановление в III кв. оказалось недостаточным, чтобы возместить произошедший ранее спад. Эти страны относятся к наиболее пострадавшим и по динамике ВВП.

В других странах — Германии, Нидерландах, Норвегии — спада розничных продаж вообще не наблюдалось ни в одном квартале. Дания и Швеция, которые переживали лишь незначительный спад только в одном квартале, также примыкают к этой группе. Стабильность розничных продаж при резком обвале ВВП во II кв. и его быстром восстановлении в III кв. — довольно примечательное явление, характерное только для германо-скандинавских стран.

Еще одна группа стран с необычной динамикой розничных продаж включает Эстонию, Латвию, Литву, Польшу, Чехию, Австрию, Швейцарию и Бельгию. В этих странах, а также в Австралии и Израиле, спад розничных продаж наблюдался, но их индекс никогда не падал ниже 95, если за 100 взять уровень IV кв. 2019 г.

Примечательно, что две последние группы довольно легко объединить в географические кластеры: восточноевропейский и германо-скандинавский. Вряд ли можно сказать, что причина сходной динамики в странах-соседах лежит на поверхности, ведь реакция властей на пандемию COVID-19 в этих странах была существенно разной, и экономические тенденции в предшествующий период тоже могли расходиться. (Так, в Швеции ВВП за II кв. 2019 г. был на 20 % больше, чем во II кв. 2008 г., а в Финляндии — только на 3 %, то есть восстановление после мирового кризиса 2008 г. в Финляндии, в сущности, так и не произошло.)

В ряде стран динамика розничных продаж не укладывается ни в один из вышеназванных шаблонов. Для дерегулированной, открытой и малой экономики Ирландии во время мировых кризисов характерны быстрые и резкие обвалы, за которыми следует столь же стремительное восстановление. Во II кв. 2020 г. розничные продажи в Ирландии оказались на 21,7 % ниже, чем годом ранее, а в III кв. — на 9,2 % выше. А южнокорейская динамика оказалась почти в противофазе с мировой: довольно резкое сокращение продаж в I кв. (–6,4 %), затем рост в наиболее тяжелом II кв. (+6,5 %) и небольшой спад в III кв. (–0,7 %), вероятно, связанный со второй волной пандемии и карантинных мер.

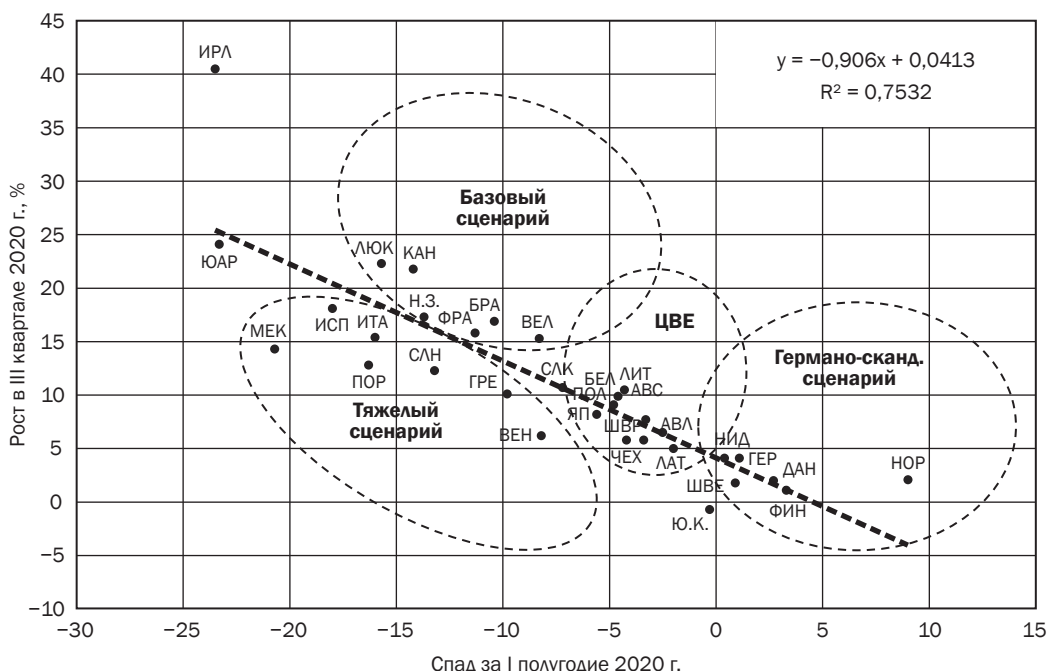
На рис. 1 показаны темпы спада и роста в ряде стран.

Видно, что разные страны мира, в зависимости от испытанной ими динамики, могут быть объединены в четыре группы: основную, «тяжелую», центрально-восточноевропейскую (ЦВЕ) и германо-скандинавскую.

Темпы роста розничных продаж в III кв. могут быть представлены как зависимая переменная в уравнении линейной регрессии, где объясняющей переменной служит темп спада в первом полугодии 2020 г. Иными словами, чем сильнее был наблюдаемый спад, тем быстрее происходило восстановление.

Если в основном сценарии и спад розничных продаж, и их восстановление происходили быстрее, чем спад и рост ВВП, то в ЦВЕ — примерно тем же темпом, а в германо-скандинавских странах медленнее. Что касается стран, испытавших тяжелый сценарий, для них был характерен резкий спад, но вялое восстановление.

Темпы спада и восстановления розничных продаж в избранных странах /
Recession and recovery pace in retail sales in selected countries

Источник: рассчитано автором по данным OECD (stats.oecd.org) / Source: calculated by the author based on OECD data (stats.oecd.org).

Более резкое падение розничных продаж по сравнению с ВВП, за которым последовало также значительно более резкое восстановление, само по себе является достаточно интересным феноменом. Можно говорить об изменении структуры ВВП, о повышении в ней доли потребительских расходов.

Динамика экспорта и импорта

Кризис также существенно повлиял на объемы и структуру международной торговли. По итогам первых трех кварталов 2020 г. во всех странах G20 отмечено снижение экспорта товаров. Однако пропорции этого сокращения неравномерны.

Таблица 3

Динамика экспорта и импорта товаров в 2020 г. /
Change in exports and imports in 2020

Страна	Импорт за 9 месяцев, млрд долл. США		Изм., %	Экспорт за 9 месяцев, млрд долл. США		Изм., %
	2019 г.	2020 г.		2019 г.	2020 г.	
Австралия	161	146,2	-9	205	181	-12
Австрия	140,3	124,7	-11	135	123	-9
Аргентина	38,4	30,1	-22	48	42	-12
Бельгия	323,7	287,2	-11	337	303	-10
Бразилия	132,9	114,5	-14	170	157	-8
Великобритания	471,2	380,7	-19	333	273	-18
Венгрия	88,4	81,1	-8	92	85	-8
Германия	930,9	845,7	-9	1121	990	-12

Некоторые макроэкономические последствия COVID-19

Страна	Импорт за 9 месяцев, млрд долл. США		Изм., %	Экспорт за 9 месяцев, млрд долл. США		Изм., %
	2019 г.	2020 г.		2019 г.	2020 г.	
Греция	47,4	40,7	-14	29	25	-11
Дания	73,4	69,8	-5	83	79	-4
Израиль	56,7	50,4	-11	39	36	-9
Индия	370,5	262,3	-29	243	200	-18
Индонезия	127,3	103,9	-18	126	118	-7
Ирландия	74,8	70,6	-6	126	134	6
Исландия	5	4,2	-17	4	3	-16
Испания	281	233,9	-17	251	219	-13
Италия	360,8	304,1	-16	404	352	-13
Канада	342,4	293,5	-14	336	284	-15
Китай	1546,20	1494,70	-3	1871	1857	-1
Колумбия	39,8	31,8	-20	30	23	-23
Люксембург	18,7	15,3	-18	13	10	-22
Мексика	345,8	277,7	-20	348	297	-15
Нидерланды	476,7	433,9	-9	530	489	-8
Новая Зеландия	32	27	-15	30	29	-3
Норвегия	65,6	59,2	-10	78	59	-24
Польша	199,5	183,8	-8	199	192	-4
Португалия	67,8	56,2	-17	50	44	-13
Россия	188,4	176,1	-7	316	245	-22
Саудовская Аравия	113,1	95	-16	199	129	-35
Словакия	67,9	60,1	-11	67	61	-9
Словения	33	29,9	-9	34	32	-5
США	1888,00	1695,60	-10	1234	1047	-15
Турция	155,7	157	1	136	120	-12
Финляндия	56,2	49,9	-11	56	47	-15
Франция	496,1	421,8	-15	432	350	-19
Чехия	135	122,3	-9	150	135	-10
Чили	50,3	40,4	-20	53	53	0
Швейцария	155,9	142,9	-8	184	176	-4
Швеция	120,3	107,5	-11	122	113	-7
Эстония	13,6	12,4	-9	12	12	-6
ЮАР	66,7	49,5	-26	68	61	-10
Южная Корея	380,3	344,1	-10	410	375	-9
Япония	548	472,1	-14	538	464	-14

Источник: составлено автором по данным OECD (stats.oecd.org) / Source: compiled by the author based on OECD data (<https://stats.oecd.org/>),

Среди крупных экономик в наименьшей мере снижение экспорта испытала КНР (-1 %), в наибольшей — Саудовская Аравия (-35 %) и Россия (-22 %). Если ограничить список странами G7, то наименее пострадал экспорт Германии (-12 %), а наиболее — Франции (-19 %). На 15 % и более снизился экспорт из Индии, Канады, США, Финляндии, Мексики. Меньше 10 % падение составило в Польше, Бразилии, Южной Корее, Швейцарии, Швеции, Нидерландах, Индонезии.

Достаточно широк разброс и в темпах изменения импорта. Одна страна G20 — Турция — даже увеличила импорт по сравнению с прошлым годом на 1 %. В Индии же он сократился на 29 %.

Относительно небольшое сокращение импорта испытали Китай (-3 %), Россия (-7 %), Нидерланды (-9 %), Германия (-9 %). Наиболее резкое: ЮАР (-26 %), Мексика (-20 %), Великобритания (-19 %), Индонезия (-18 %), Саудовская Аравия (-16 %), Италия (-16 %).

Данные о суммарных дефицитах и профицитах торгового и платежного баланса показывает табл. 5.

**Динамика торгового и платежного баланса /
Change in trade and payment balance**

Страна	Торговый баланс, млрд долл. США			Платежный баланс, % ВВП		
	III кв. 2019 г.	III кв. 2020 г.	Изм., %	III кв. 2019 г.	III кв. 2020 г.	Изм., п. п.
Австралия	16,5	8,6	-48	1,6	2,1	0,5
Австрия	-1,9	-0,3	-85	2,7	3,4	0,7
Аргентина	3,7	3,4	-9	-1,0	1,2	2,2
Бельгия	6,6	6,5	-1	1,9	-2,1	-4,0
Бразилия	8,9	18,2	105	-3,1	1,9	5,0
Великобритания	-42,7	-41,6	-3	-3,2	-2,9	0,3
Венгрия	0,9	2,1	143	-1,0	2,8	3,8
Германия	64,8	58,0	-11	7,1	7,3	0,1
Греция	-6,1	-5,6	-9	-0,9	-7,1	-6,2
Дания	3,4	2,7	-21	9,8	7,6	-2,2
Израиль	-6,0	-5,1	-16	2,9	6,2	3,3
Индия	-39,8	-14,2	-64	-1,1
Индонезия	-1,1	7,6	-809	-3,0	0,1	3,1
Ирландия	16,6	21,2	28	3,8	4,8	1,0
Исландия	-0,5	-0,3	-31	3,8	-2,0	-5,8
Испания	-10,6	-2,4	-78	1,7	0,6	-1,2
Италия	13,7	21,2	55	2,6	5,0	2,5
Канада	-1,0	-4,9	415	-2,0	-1,3	0,6
Китай	105,2	142,4	35	1,0	2,3	1,2
Колумбия	-3,7	-2,8	-26	-4,8	-2,5	2,3
Люксембург	-1,9	-2,1	9	-1,2	8,2	9,4
Мексика	1,7	18,3	979	-1,3	5,0	6,4
Нидерланды	18,0	19,8	10	10,5	6,8	-3,7
Новая Зеландия	-0,9	0,9	-200	-3,6	-0,5	3,0
Норвегия	2,5	-0,3	-110	1,3	2,1	0,8
Польша	0,3	4,1	1331	0,3	3,0	2,7
Португалия	-5,8	-3,5	-39	-0,3	-0,6	-0,2
Россия	41,7	21,1	-49	4,0
Саудовская Аравия	24,1	11,9	-51	3,6	1,3	-2,3
Словакия	-0,4	1,4	-428	-4,8	1,7	6,5
Словения	0,2	0,8	230	5,6	8,7	3,1
США	-218,4	-242,5	11	-2,3	-3,4	-1,1
Турция	-7,3	-14,3	96	1,6
Финляндия	-0,8	-1,0	32	-0,1	0,5	0,6
Франция	-21,9	-28,3	30	-1,1	-2,9	-1,8
Чехия	5,3	6,8	27	-0,8	7,1	8,0
Чили	1,3	4,4	227	-4,1	0,7	4,8
Швейцария	9,3	10,9	18	6,7	5,2	-1,5
Швеция	0,5	0,9	108	5,4	5,2	-0,2
Эстония	-0,5	-0,3	-44	2,8	-0,2	-3,1
ЮАР	0,5	6,3	1174	-3,2
Южная Корея	9,5	15,8	67	4,0	4,7	0,7
Япония	-3,4	9,0	-366	3,4	3,0	-0,4

Источник: составлено автором по данным OECD (stats.oecd.org) / Source: compiled by the author based on OECD data (<https://stats.oecd.org/>).

Показательно, что в III кв. 2020 г. дефицит торгового и платежного баланса США стал больше, чем в аналогичном периоде предшествующего года. В Китае же тенденция оказалась противоположной: профицит увеличился. Учитывая, что США имеют самый большой внешнеторговый дефицит в мире, а Китай — самый большой профицит, а также что эти страны продолжают вводить взаимные торговые санкции, это явление требует объяснения.

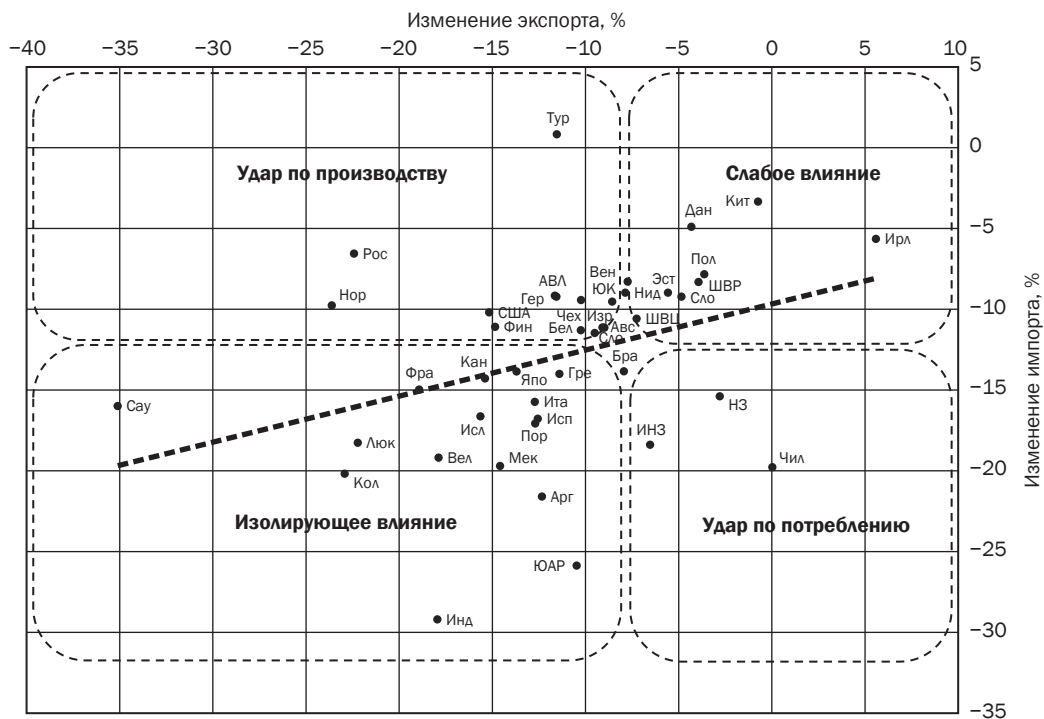
Данные о динамике внешней торговли отчасти позволяют понять, в каких странах угнетающее воздействие кризиса сильнее сказалось на потребительском спросе, а в каких — на производстве, то есть на факторах предложения. Рис. 2 показывает, как у разных стран изменились объемы экспорта и импорта, если сравнить III кв. 2019 г. и III кв. 2020 г., а рис. 3 — то же самое при сравнении данных за январь–сентябрь. На выборке из 43 стран, по которым опубликованы данные ОЭСР, построены регрессионные линейные уравнения, отраженные линиями тренда на рис. 2 и 3. Видно, что чем сильнее у страны сокращался экспорт, тем сильнее снижался и импорт. При этом для ряда стран наблюдаются отклонения от тренда в ту или другую сторону. Можно сказать, что страны, расположенные на диаграммах выше и левее линии тренда, в большей мере испытали «шок предложения», а расположенные правее и ниже — «шок спроса». Соответственно, на диаграммах выделены области (квадранты), соответствующие разным видам кризисного воздействия на национальную экономику: «слабое влияние», «изолирующее влияние», «удар по производству» и «удар по потреблению».

На рис. 2 и 3 распределение стран по квадрантам и по разным сторонам относительно линий тренда практически совпадает. Значимые различия между двумя диаграммами, пожалуй, сводятся к тому, что при анализе одного III кв. Франция попадает в верхний левый квадрант, а Бразилия — в нижний левый, тогда как при учете данных за три квартала Франция сдвигается вниз, а Бразилия — вправо.

Группа стран, где снижение экспорта не превысило 5 %, а снижение импорта оказалось не более 8 % (при сравнении третьих кварталов), может быть описана как испытывавшая слабое влияние кризиса на объемы внешней торговли. Таковы Китай и Турция, а также Германия, Нидерланды, Польша, ряд других стран Центральной и Восточной Европы.

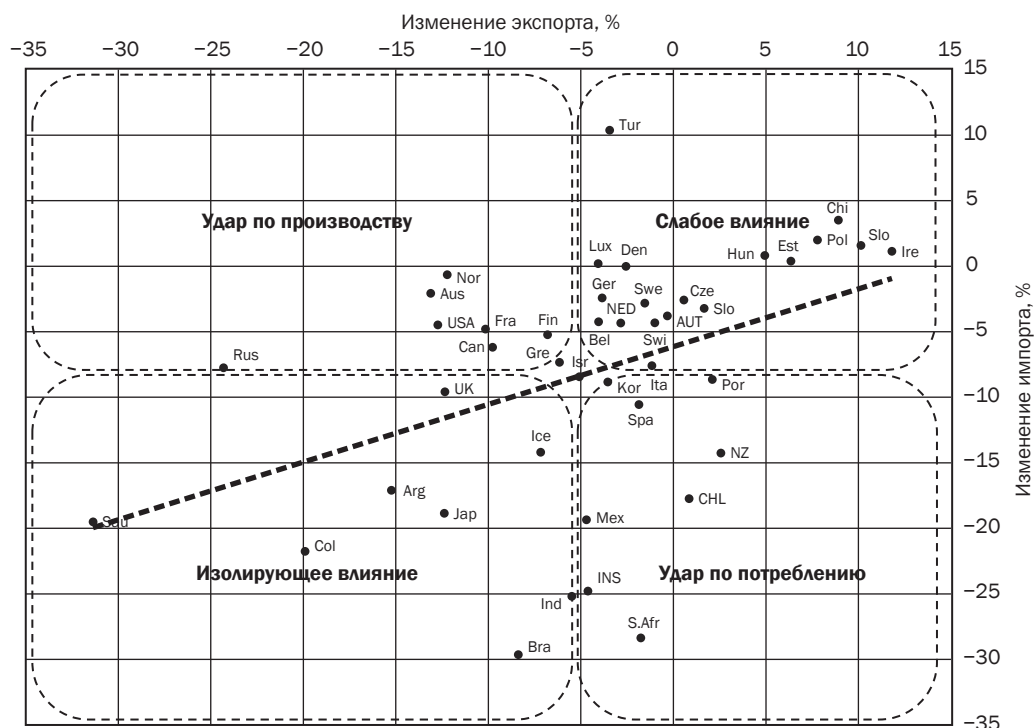
Рисунок 2

**Влияние кризиса 2020 г. на объемы международной торговли (III кв.) /
Impact of 2020 crisis on foreign trade volume (III q.)**

Источник: рассчитано автором по данным OECD (stats.oecd.org) / Source: calculated by the author based on OECD data (stats.oecd.org).

Влияние кризиса 2020 г. на объемы международной торговли (январь–сентябрь) / Impact of 2020 crisis on foreign trade volume (Jan–Sept)

Источник: рассчитано автором по данным OECD (stats.oecd.org) / Source: calculated by the author based on OECD data (stats.oecd.org).

В противоположном (левом нижнем) квадранте — страны, у которых экспорт снизился больше чем на 5 %, а импорт — больше чем на 8 %. Они в условиях кризиса в наибольшей степени испытали изоляцию от мировых рынков. Бразилия, Аргентина, Колумбия, Япония, Саудовская Аравия — примеры такой динамики. Близка к ним и Великобритания, для которой кризис, связанный с COVID-19, совпал по времени с выходом из Евросоюза.

В левом верхнем квадранте страны, резко сократившие экспорт, но избежавшие серьезного снижения импорта, что означает более пассивный, чем ранее, торговый баланс. К данной группе относится и Россия, испытавшая снижение внешнеторгового профицита наряду с Австралией и Норвегией. Похожей была и динамика в странах, которые имели торговый дефицит и увеличили его, — в США, Канаде, Франции, Финляндии.

В правом нижнем квадранте на рис. 2 находятся страны, которые испытали существенное снижение импорта, но не экспорта. Часть из них увеличили профицит внешней торговли, который имели раньше (ЮАР, Чили), другие сократили дефицит (Индия, Испания), третьи из нетто-импортеров стали нетто-экспортерами (Индонезия, Новая Зеландия).

Близко к центру диаграмм находятся страны без устойчивых отклонений в направлении какого-либо из квадрантов. Таковы, например, Италия и Южная Корея. Об этих странах можно говорить, что пандемия и связанные с ней меры не оказали существенного влияния на сальдо торгового баланса и отношение внешнеторгового оборота к ВВП, но подействовали на общее снижение экономической активности.

ВОЗМОЖНЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАБЛЮДЕНИЙ

Сделанные статистические наблюдения порождают ряд вопросов.

1. Чем объясняется относительно слабое влияние кризиса на экономику Германии и ее менее крупных соседей? На рис. 1 эти страны отнесены к области «германо-скандинавского сценария» и близкого к нему сценария ЦВЕ, а на рис. 2 и 3 — к области «слабое влияние». Можно предположить, что Нидерланды, Бельгия, Швейцария, Австрия, Чехия, Польша и скандинавские страны, будучи тесно интегрированы с Германией, должны иметь сходную динамику. Но чем объясняется специфика самой Германии, почему она столь несходна с наблюдаемым во Франции и Италии?

2. Какую природу имеет рост розничных продаж в условиях сокращения ВВП?

3. Чем объясняется распределение стран на группы, испытывавшие укрепление и ослабление торгового баланса? На рис. 2 и 3 видно, что более пассивным торговый баланс стал в основном у развитых стран, но также у Турции, России и Саудовской Аравии. Более активным торговый баланс стал у стран Латинской Америки, Индии, Индонезии, ЮАР, ряда стран Южной Европы, Новой Зеландии. Даже такие структурно схожие экономики, как австралийская и новозеландская, испытали противоположную динамику.

4. Почему произошло увеличение дефицита торгового и платежного баланса в США и рост профицита этих величин в Китае?

Обсудим эти вопросы один за другим.

(1) Представляется, что все названные эффекты можно объяснить, исходя из относительно небольшого числа посылок. Экономика Германии отличается от других крупнейших экономик континентальной части Евросоюза более благоприятными условиями для предпринимательства. В рейтинге Всемирного банка по легкости ведения бизнеса Германия находится на 22-м месте, Франция — на 32-м, Италия — на 58-м¹. По рейтингу экономической свободы, который рассчитывается Институтом Фрейзера, Германия занимает 21-е место, Италия — 51-е, Франция — 58-е². По индексу экономической свободы, который измеряет фонд «Наследие» (*Heritage Foundation*), Германия стоит на 27-м месте, Франция — на 64-м, Италия — на 74-м³.

Однако ряд крупных экономик мира — США, Великобритания, Канада — имеют не менее благоприятные условия для предпринимательства, чем Германия, но в 2020 г. такой относительно мягкой динамики кризиса они не имели. Чтобы объяснить это расхождение, возможно, требуется учесть, что Германия, в отличие от США, Великобритании и Канады, на протяжении многих лет является нетто-экспортером и нетто-кредитором. Это может быть связано с более высокой нормой сбережений в немецкой экономике и с относительно низким уровнем задолженности. Индикатором уровня задолженности может служить отношение валового долга государственного сектора к ВВП, которое для стран G7 принимает следующие значения (табл. 5).

Интересно, что германская экономика не только имела накануне кризиса самое низкое среди стран G7 бремя государственной задолженности, но меньше всех увеличила его на протяжении 2020 г. Иными словами, фискальный антикризисный стимул в Германии был меньше, чем в какой-либо другой стране G7. При этом, напомним, из этих стран только Германия не переживала спада розничных продаж ни в одном из кварталов 2020 г. Данное наблюдение свидетельствует в пользу вывода, что наиболее благополучное протекание экономических кризисов обусловлено скорее низким уровнем задолженности на момент начала кризиса, чем стимулирующими действиями государства.

¹ <https://www.doingbusiness.org/en/rankings?region=oeecd-high-income>.

² <https://www.fraserinstitute.org/economic-freedom/map?geozone=world&page=map&year=2018>.

³ <https://www.heritage.org/index/ranking>.

Таблица 5

**Валовый долг государственного сектора, % ВВП /
General government gross debt as GDP %**

Страна	2018 г.	2019 г.	2020 г.	Прирост в 2020 г., п. п.
Германия	62	60	73	14
Великобритания	86	85	108	23
Канада	90	89	115	26
Франция	98	98	119	21
США	107	109	131	22
Италия	135	135	162	27
Япония	237	238	266	28

Примечание: темная заливка – для прогнозных значений / Note: forecast values are highlighted with the dark color.

Источник / Source: IMF, World Economic Outlook Database (<https://www.imf.org/en/Publications/WEO/weo-database/2020/October/weo-report>).

(2) Рост розничных продаж при снижении ВВП может указывать на рост удельного веса частных потребительских расходов за счет других составляющих ВВП – частных инвестиций, государственного потребления и чистого экспорта. Однако фактические данные по слагаемым ВВП не подтверждают такое понимание.

Таблица 6

**Структура ВВП по расходам в 2019–2020 гг., % /
GDP structure by expenditure in 2019–2020, %**

Компонент ВВП	Япония		Великобритания		США		Зона евро	
	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.	2019 г.	2020 г.
Частное конечное потребление	54	54	64	60	68	68	53	52
Конечное потребление государственного сектора	20	21	19	23	14	15	21	23
Валовые инвестиции	26	26	18	17	21	21	22	21
Чистый экспорт	0	-1	-1	1	-3	-3	4	4
Всего ВВП	100	100	100	101	100	100	100	100

Источник / Source: OECD (<https://stats.oecd.org/>).

Из табл. 6 видно, что в 2020 г. удельный вес потребительских расходов в ВВП не вырос, а в Великобритании он даже снизился. В основном же в развитых странах структура ВВП осталась неизменной. Другими объяснениями могут быть:

– увеличение в составе розничных продаж оборотов, связанных не с конечным потреблением, а с другими целями (увеличением запасов, перепродажами на вторичном рынке, использованием в кустарном производстве). Однако подобные изменения в поведении домохозяйств вряд ли получили бы адекватное отражение в статистике национальных счетов;

– увеличение в составе частного потребления оборотов, связанных с розничными продажами, при сокращении других источников потребления (товаров и услуг, производимых внутри домохозяйств). Однако трудно представить, каким образом карантинные ограничения и закрытие предприятий могли бы вызвать такой эффект.

Учитывая, что некоторые виды продукции в 2020 г. становились предметами ажиотажного спроса, наиболее вероятным все же следует признать рост розничных закупок для создания запасов.

(3) Ухудшение торгового баланса развитых стран и улучшение – развивающихся, скорее всего, связано с тем, что именно в развитых странах карантинные ограничения

в наибольшей степени затруднили производство. Как следствие, экспорт из развитых стран в развивающиеся ощутимо сократился, поставки же в обратном направлении столь резкого снижения не испытали. Для экономики развитых стран характерен высокий удельный вес сферы услуг, включая прием туристов и развлечения, и именно эти отрасли более других пострадали в связи с карантинными и подобными им ограничениями [Kalemli-Ozcan S. et al., 2020, с. 2; Zajc Kejžar K., Velic A., 2020, с. 224].

(4) Специфика торгового и платежного баланса США и Китая, с одной стороны, является частным случаем экономических связей между развитой и развивающейся страной, а с другой стороны — отражает «торговую войну» между двумя крупнейшими юрисдикциями. В 2016–2018 гг. торговля между странами продолжала расширяться, причем росли и американские поставки в Китай, и китайские в США, и американский дефицит. Однако в 2019 г. объемы американо-китайской торговли снизились.

Таблица 7

**Объем торговли товарами между США и КНР, млрд долл. США /
Trade in goods between the United States and China, billions of US dollars**

Год	Экспорт США в КНР	Экспорт КНР в США	Баланс
2016	116	462	-347
2017	130	505	-375
2018	120	539	-419
2019	106	452	-345

Источник / Source: U.S. Census Bureau (<https://www.census.gov>).

Ноябрь 2018 г. стал первым месяцем, когда импорт китайских товаров в США оказался меньше, чем годом ранее. Именно с этого момента можно говорить, что «торговая война» между США и Китаем стала экономической реальностью. Сокращение объемов торговли наблюдалось до марта 2020 г. Табл. 9 показывает, что в ноябре 2018 г. дефицит американской торговли с Китаем составлял 38 млрд долл. США, а годом позже — лишь 26 млрд долл.

Таблица 8

**Объем торговли между США и КНР, млрд долл. США, отдельные месяцы /
Trade volume between the United States and China,
billions of US dollars, selected months**

Период	Экспорт США в КНР	Экспорт КНР в США	Баланс
Ноябрь 2016 г.	12,0	42,6	-30,6
Ноябрь 2017 г.	12,9	48,1	-35,2
Ноябрь 2018 г.	8,7	46,4	-37,8
Ноябрь 2019 г.	10,1	36,4	-26,3
Ноябрь 2020 г.	14,2	44,9	-30,7

Источник / Source: U.S. Census Bureau (<https://www.census.gov>).

Сокращение американо-китайской торговли наблюдалось и в конце 2019 г., и в I кв. 2020 г. В марте 2020 г. «торговая война» достигла апофеоза — американский импорт из Китая упал до 19,8 млрд долл. США, это самое низкое значение с февраля 2009 г. Американо-китайский дефицит сократился до 11,8 млрд долл. — самого низкого уровня с февраля 2004 г.

С наступлением финансового, а затем и общего экономического кризиса естественно было ожидать, что снижение американского импорта из Китая продолжится. Известно, что в 2009 г. поставки китайских товаров в США были на 13 % меньше, чем в 2008-м. Однако в 2020 г. произошло противоположное. Уже в апреле американский импорт из Китая

вырос в 1,5 раза — до 31 млрд долл. США, а дефицит в два раза — до 22 млрд долл. В дальнейшем объемы торговли между двумя странами продолжили возрастать, и с июля 2020 г. каждый месяц американский импорт из Китая составляет не менее 40 млрд долл. США, а торговый дефицит с Китаем — не менее 29 млрд долл. Любопытно, что американский экспорт в Китай за время пандемии COVID-19 тоже практически удвоился.

Таблица 9

**Объем торговли между КНР и США в 2020 г., млрд долл. США /
Trade volume between China and the USA in 2020, billions of US dollars**

Период	Экспорт США в КНР	Экспорт КНР в США	Баланс
Январь 2020 г.	7,2	33,2	-26,0
Февраль 2020 г.	6,8	22,8	-15,9
Март 2020 г.	7,9	19,8	-11,8
Апрель 2020 г.	8,6	31,1	-22,4
Май 2020 г.	9,6	36,5	-26,9
Июнь 2020 г.	9,2	37,6	-28,3
Июль 2020 г.	9,0	40,6	-31,6
Август 2020 г.	11,0	40,8	-29,7
Сентябрь 2020 г.	11,5	41,2	-29,6
Октябрь 2020 г.	14,7	44,8	-30,1
Ноябрь 2020 г.	14,2	44,8	-30,6

Источник / Source: U.S. Census Bureau (<https://www.census.gov>).

Таким образом, не будет большим преувеличением сказать, что COVID-19 остановил американо-китайскую «торговую войну». Каким, однако, образом, он мог простимулировать покупку американскими резидентами китайских товаров?

Вероятный ответ состоит в том, что такой эффект имело не само заболевание и не введенные для борьбы с ним карантинные и локдауны, а введенные в США меры поддержки экономики и потребительских расходов. Эти меры были, возможно, самыми масштабными в мире, и их объем составил не менее 15 % ВВП. Один только CARES Act (*Coronavirus Aid, Relief and Economic Security Act*), подписанный президентом Д. Трампом 27 марта 2020 г., предписывает израсходовать 2,2 трлн долл. США, что составляет около 11 % ВВП. В этот пакет вошли единовременный налоговый вычет для физических лиц (293 млрд долл.), повышение пособий по безработице (268 млрд долл.), займы и гарантии для предотвращения корпоративных банкротств (510 млрд долл.), имеющие перспективу списания займы и гарантии для малого бизнеса, сохраняющего рабочие места (349 млрд долл.), трансферты правительствам штатов и муниципалитетов (150 млрд долл.), дополнительные выплаты больницам (100 млрд долл.) и ряд других мер⁴.

Кроме того, важную роль сыграли закон от 28 декабря 2020 г. (877 млрд долл. на пособия по безработице и прямые стимулирующие выплаты по 600 долл. США физическим лицам) и подписанный 24 апреля 2020 г. Закон о программе защиты заработных плат и усилении здравоохранения (*Paycheck Protection Program and Health Care Enhancement Act*) на сумму 483 млрд долл. США, из которых 321 млрд долл. также предоставлены в виде списываемых в перспективе займов и гарантий для малого бизнеса, сохраняющего рабочие места. МВФ упоминает еще два принятых в США пакета фискальных мер и пять стимулирующих мер денежного и макрофинансового характера⁵.

Довольно естественно, что значительная часть этих средств была потрачена получателями на покупку потребительских товаров, нередко китайского производства. Учитывая,

⁴ <https://www.imf.org/en/Topics/imf-and-covid19/Policy-Responses-to-COVID-19#U>.

⁵ Там же.

что правительство Китая раньше других объявило о завершении пандемии COVID-19 и возобновлении нормальной экономической активности, китайские производители получили дополнительное преимущество. Следствием этого можно считать не только рост китайского экспорта в США, но и относительно благополучную динамику китайского ВВП.

Что же касается роста американского экспорта в Китай, достигшего во второй половине 2020 г. рекордных значений за всю историю, то он, вероятно, обусловлен уступками китайской стороны в вопросе о защите внутреннего рынка от иностранной конкуренции.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Несмотря на крайне необычную завязку мирового экономического кризиса, который разгорелся в 2020 г., по ряду признаков он имеет много общего с более ранними кризисами. Первой фазой стал обвал на финансовых рынках, создавший для многих экономических субъектов угрозу разорения и запустивший цепную реакцию из решений о сокращении расходов и ужесточении условий предоставления кредитов. Довольно типичными для крупных кризисов последних десятилетий оказались и попытки правительств преодолеть или смягчить кризисные явления с помощью фискальных и монетарных стимулов.

Однако некоторые черты кризиса 2020 г. оказались весьма нестандартными.

Опыт Германии показал, что относительно благополучное протекание экономического кризиса может быть связано с такими характеристиками экономики, как благоприятная среда для предпринимательства и низкий уровень задолженности. Германия в 2020 г. имела самый низкий среди стран G7 уровень валовой государственной задолженности относительно ВВП, а также самый низкий темп роста государственного долга. При этом Германия, в отличие от большинства стран мира, не только избежала спада в розничных продажах, но и, по-видимому, повлияла на динамику в соседних странах, обеспечив там схожие эффекты. Это наблюдение имеет прямое отношение к дискуссии о природе периодических общих кризисов экономики, косвенно свидетельствуя о важности такого фактора, как экспансия кредита [Ку Р., 2014, с. 210; фон Мизес Л., 2005, с. 744; Фридмен Дж., Краус В., 2012, с. 77].

Кризис 2020 г. также показал, что возможны довольно значительные расхождения между динамикой ВВП и объемом розничных продаж, причем в кризисный год наблюдается снижение ВВП и общий рост розничных продаж, однако доля конечного частного потребления в ВВП не возрастает. Предположительно это явление объясняется ажиотажным ростом спроса на товары, приобретаемые в запас.

Во многих странах наблюдались значительные и неравномерные изменения торгового баланса, причем для развивающихся стран был характерен сдвиг в сторону более активного, а для богатых стран — в сторону более пассивного торгового баланса. Наиболее вероятная причина такой динамики в том, что в условиях массовых санитарно-ограничительных мер именно богатые страны в наибольшей степени испытали сужение производственных возможностей, а значит, и возможностей экспортировать свою продукцию в развивающиеся страны.

Весьма специфично данное явление проявилось в американо-китайской торговле, объемы которой с конца 2018 г. сжимались под воздействием взаимных торговых санкций и ограничений. Парадоксальным образом с марта 2020 г. китайский экспорт в США снова начал расти и поднялся с 20 млрд долл. США в марте до 40 млрд долл. в июле. Обратилась вспять и тенденция снижения американского дефицита в торговле с Китаем. Вероятной причиной этого эффекта стало массовое стимулирование расходов правительством США, осуществляемое в рамках антикризисной политики. При наличии жестких санитарно-карантинных ограничений на производственную деятельность в США и других развитых странах естественным следствием этой меры мог стать рост закупок разнообразной продукции в Китае, уже прошедшем пик заболеваемости COVID-19.

Таким образом, можно утверждать, что принятые в США антикризисные меры послужили стимулированию экономики Китая.

Данная статья подготовлена в январе 2021 г., в отсутствие статистики об итогах декабря и IV кв. 2020 г. Поскольку в последнем квартале 2020 г. во многих странах мира отмечалась вторая волна пандемии COVID-19 и повторно вводились санитарно-карантинные ограничения, весьма вероятной остается новая волна экономического спада. В этих условиях могут быть обнаружены новые эффекты и особенности протекания экономического кризиса в разных странах, а ранее сделанные наблюдения могут быть частично пересмотрены.

Список источников

Бьюкенен Дж. Политика без романтики: краткое изложение позитивной теории общественного выбора и ее нормативных условий / Вехи экономической мысли. Экономика благосостояния и общественный выбор. Т. 4. СПб.: Экономическая школа, 2004. 568 с.

Ицхоки О. Новый коронавирус и экономика // Экономическая политика во времена COVID-19. Апрель 2020. Сборник статей. М.: РЭШ, 2020. 63 с.

Ку Р. Священный Грааль макроэкономики: уроки великой рецессии в Японии / Пер. с англ. Ю. Кузнецова, А. В. Куряева, В. Егорова. М.: Мысль, 2014. 434 с.

фон Мизес Л. Человеческая деятельность. Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005. 878 с.

Фридмен Дж., Краус В. Рукотворный финансовый кризис: системные риски и провал регулирования / Пер. с англ. М.: ИРИСЭН; Мысль, 2012. 318 с.

Deb P., Furceri D., Ostry J. et al. The Economic Effects of COVID-19 Containment Measures / IMF Working Paper WP/20/158. Washington, August 2020.

Harrod R. An Essay in Dynamic Theory // *The Economic Journal*. 1939. Vol. 49. No. 193. P. 14–33.

Hayek F. Competition as a Discovery Procedure // *The Quarterly Journal of Austrian Economics*. Vol. 5. No. 3 (Fall 2002). P. 9–23.

Kalemli-Ozcan S., Gourinchas P.-O., Penciakova V. et al. COVID-19 and SME Failures / IMF Working Paper WP/20/207. Washington, September 2020.

Zajc Kejžar K., Velic A. Covid-19, Trade Collapse and GVC Linkages: European Experience // *Covid Economics, Vetted and Real-Time Papers*. Iss. 61, 11 December 2020. P. 222–244.

References

Buchanan J.M. (1979). Politics without Romance: A sketch of positive public choice theory and its normative implications. Inaugural lecture. Vienna, Austria: Institute for Advanced Studies, *IHS Journal, Zeitschrift des Instituts für Höhere Studien*, 3, B1–B11.

Deb P., Furceri D., Ostry J. et al. (2020). The Economic Effects of COVID-19 Containment Measures. IMF Working Paper WP/20/158. Washington, August 2020.

Itskhoki O. (2020) New coronavirus and the economy. Economic policy in times of COVID-19. April 2020. Collection of articles. Moscow: NES, 63 p.

Harrod R. An Essay in Dynamic Theory (1939). *The Economic Journal*, vol. 49, no. 193. pp. 14–33.

Hayek F. Competition as a Discovery Procedure. *The Quarterly Journal of Austrian Economics*, vol. 5, no. 3 (Fall 2002), pp. 9–23.

Koo R.C. (2008). The Holy Grail of Macroeconomics. Lessons from Japan's Great Resession. John Wiley & Sons.

Von Mises L. (1998). Human Action: A Treatise on Economics. Ludwig Von Mises Institute.

Friedman J., Kraus W. (2011). Engineering the Financial Crisis. Systemic Risk and the Failure of Regulation. Philadelphia: University of Pennsylvania Press.

Kalemli-Ozcan S., Gourinchas P.-O., Penciakova V. et al. (2020). COVID-19 and SME Failures. IMF Working Paper WP/20/207. Washington, September.

Zajc Kejžar K., Velic A. (2020). Covid-19, Trade Collapse and GVC Linkages: European Experience. *Covid Economics, Vetted and Real-Time Papers*. Iss. 61, 11 December, pp. 222–244.

Информация об авторе

Валерий Валериевич Кизилов, научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Научно-исследовательского финансового института Минфина России, г. Москва

Information about the author

Valery V. Kizilov, Researcher, Center for Macroeconomic, Financial Research Institute, Moscow

Статья поступила в редакцию 15.01.2021
Одобрена после рецензирования 08.02.2021
Принята к публикации 15.02.2021

Article submitted Jan 15, 2021
Approved after reviewing Feb 8, 2021
Accepted for publication Feb 15, 2021